

1-й экз.

№ 8-й. Журналъ „ВОЙНА“. Петроградъ, 1914 г. Цѣна 10 к.

Крестьянинъ благословляетъ сына въ ополченіе, Картина Тимонина.

РУССКІЙ СОЛДАТЪ НА ВОЙНѢ, его отвага, добро- душіе и юморъ.

Составилъ Альбіоновъ.

ГОРСТЬ РОДНОЙ ЗЕМЛИ.

Стихотвореніе С. Г. Фруга.

Тяжело съ тобой разстаться,
Родина моя!
Но солдата долгъ священенъ,
Онъ зоветъ меня.

Врагъ пришелъ и край родимый
Хочетъ покорить...
Такъ смѣлѣй-же въ бой,—родную
Землю защити!»

И солдатикъ на прощанье,
У родныхъ полей,
Горсть земли беретъ и прячетъ
На груди своей.

„Если ждетъ меня могила,
Пусть со мною въ ней
Ляжетъ горсть земли любимой
Родины моей“.

Бурей битва закипѣла,
Смерть кругомъ летитъ,
Но солдатикъ нашъ отважно
Предъ врагомъ стоитъ.

На груди его мѣшечекъ
Съ образкомъ виситъ
И, отвагу въ немъ рождая,
Духъ его бодритъ.

Вотъ настала и бой послѣдній,
Страшный бой насталъ;
Нашъ солдатикъ—первый смѣло
Кинулся на валъ.

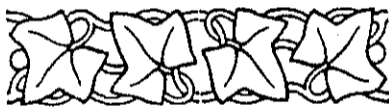
Вдругъ ударила неожиданно
Пуля въ грудь его!
Вскрикнулъ онъ и съ ногъ сва-
лился...

Но когда съ него

Сняли платье, онъ очнулся,
Горсть родной земли
На груди была и пулю
Въ той землѣ нашли;

Лишь слегка задѣта ею
Грудь его была...
Такъ солдатика отъ смерти
Горсть земли спасла.

С. Г. Фруга

Солдатская пѣсня.

За тридевять морей,
За тридевять земель
Шагай-ка, братъ, бодрѣй,
Подтягивай шинель!..
Рубаху мочить потъ,
Винтовка третъ плечо,
И глотку пыль деретъ,
И солнце горячо.
Патроны и припасъ,
И чайникъ при боку—
Ой, молодцы, у насъ
Въ Чугуевскомъ полку!
И пуля-то мѣтка,
И штыкъ нашъ—не ухватъ,
Коль нашего полка,

Проводы запасного. Картина Трутнева.

Выступление въ походъ.

Такъ это ужъ—солдатъ.
То поле, то гора,
То черезъ рѣчку въ бродъ.
У насъ офицера
Всѣ лихи, всѣ „впередъ“.
Бей громче барабанъ,
Идемъ черезъ село.
Иванъ, Демьянъ, Касьянъ,
Глядите весело.
Ломаются, трещать
Подъ дѣвками плетни.—
„Служивенькій,—кричать.—
Солдатикъ, подмигни!“
Не время баловать,
Берите-ка серпы,
Ступайте въ поле жать,
Сбирать, вязать снопы.
Пождите до весны

И, коли не умремъ,
Воротимся съ войны,
Всѣхъ въ жены заберемъ.

Александръ Рославлевъ.

Разсказъ казака Крючкова.

— Четверо нашихъ двѣнадцать верстъ гнались за 27-ю нѣмцами, пока не пригнали ихъ въ болото, возлѣ котораго и началась схватка. Меня окружили 11 человекъ, пиками выбили у меня винтовку, и этимъ самымъ обезоружили, такъ какъ штыкомъ ихъ достать нельзя было, а пикой со мной не было. У одного нѣмца мнѣ удалось вырвать его пикой.

На привалѣ.

Такіе же герои и три товарища Крючкова Астаховъ, Щегольковъ и Ивановъ.

Всѣ изранены.

Астаховъ убилъ офицера—начальника разъѣзда— и нѣсколькихъ солдатъ.

Изъ 27-ми нѣмцевъ, которыхъ преслѣдовали Крючковъ съ товарищами, живыхъ осталось только трое, которые убѣжали въ лѣсъ, расположенный недалеко отъ мѣста схватки.

Товарищи Крючкова, вмѣстѣ съ нимъ выбываютъ въ армию.

Второй Крючковъ.

Рядовой Александръ Михайловъ, раненый въ бою съ австрійцами, рассказываетъ слѣдующее:

— Лежалъ я на опушкѣ, сильно раненый въ руку, возлѣ плеча, и видѣлъ, какъ выѣхалъ изъ лѣсу казакъ, потерявшій, очевидно, своихъ товарищей. Казака мигомъ окружили восемь австрійскихъ кавалеристовъ. Махнувъ раза два шашкой, казакъ пустился на хитрость: „Братцы, сюда!“—крикнулъ онъ по направлению къ лѣсу, въ которомъ, конечно, никого не было. Австрійцы, испугавшись, что изъ лѣсу сейчасъ вылетятъ казаки, показали спины. Но не тутъ-то было! Разъяренный казакъ бросился за ними и врѣзался въ самую гущу неприятельскаго отряда. Какъ онъ рубилъ! И туда и сюда и направо иналѣво. Все смѣшалось. Только сверкала казачья сабля. Пятерыхъ австрійцевъ изрубилъ, одинъ удралъ, двое сдались въ плѣнъ. И быстро же боятся австрійцы казаковъ.

Разсказъ казака Картушина.

Донской казакъ В. Картушинъ передаетъ исторію своего трехдневнаго плѣна у австрійцевъ. Взяли его въ плѣнъ въ бою. Казаковъ было только двѣ сотни и они ѣхали въ авангардъ. Повстрѣчались съ ротой австрійской пѣхоты. Спѣшились и вступили въ перестрѣлку. Картушинъ былъ раненъ пулей въ плечо и руку. Попытался встать, чтобы поспѣть за отступавшими уже товарищами, но снова свалился. Тутъ его и взяли. Повели въ ближайшій лѣсокъ, поставили у дерева и „стали надъ нимъ всячески измываться“.

— Одинъ нѣмецъ, — рассказываетъ казакъ, — отошелъ отъ меня шага на три и выстрѣлилъ мнѣ въ голову...

— Ну, и что-же?—съ напряжен-

нымъ любопытствомъ спрашиваетъ кто-то изъ слушателей.

— А что? Ничего. Что жъ, у меня голова глупѣй его пули? Вотъ,— казакъ снялъ прострѣленный картузь,—шанку пробилъ, и только! Тутъ нѣмцевъ стали товарищи уговаривать, чтобъ не прикалывали меня. Повели въ ихъ лагерь. Минутъ двадцать вели.

Какъ ужъ совсѣмъ приставать сталъ, одинъ ихній, но нашей вѣры, чехъ, и говорить мнѣ: „Теперь не бойся. Если тамъ, въ лѣску, не убили,—теперь не тронуть, а то имъ самимъ будетъ Сибирь“.

Только передъ тѣмъ мы ихняго дозорнаго ранили да взяли. Такъ я его самъ на рукахъ на перевязочный пунктъ отнесъ. И въ лѣсокъ въ холодокъ заносилъ, и водою поилъ. Все это мнѣ пришлось вспомнить, когда мучили меня.

Ну, а въ Красномъ Крестѣ у нихъ мнѣ было хорошо. И поили, и кормили вволю. Только перевязки не дѣлали. Я доктору говорилъ ихнему, чтобъ повязку настоящую сдѣлалъ. Да вѣдь что съ него возьмешь, если онъ ни шиша по нашему не понимаетъ.

— Корощъ,—говоритъ,—корощъ, корощъ!—потомъ скривился весь:—Казакъ, фу!—и пошелъ.

А убѣжалъ я въ суматоху. Суматоха большая пошла у нихъ. А я въ палатку завернулся и драла поза домами.

— Ну, а теперь въ дорогѣ, хорошо уживались съ австрійцами?

— Онъ мнѣ на полѣ врагъ. А тутъ что же съ него взять, когда и онъ и я—оба обиженные.

На одной изъ вагонныхъ площадокъ примостился плѣнный австрійскій солдатъ, съ робостью и любопытствомъ осматривающій окружающее.

Онъ усиленно дѣлаетъ подъ козырекъ всякому проходящему мимо въ форменной одеждѣ — студентамъ санитарамъ, усатому жандарму и даже носильщикамъ.

(Рѣчь).

Подвигъ рядового Выжимка.

При осмотрѣ санитарнаго поѣзда Верховный Главнокомандующій соизволилъ пожаловать

Покупка солдатами яблокъ на базарѣ.

рядовому Давиду Выжимокъ изъ крестьянъ Полтавской губ. Георгіевскій крестъ 4-й степени за слѣдующій подвигъ.

Выжимокъ состоялъ вѣстовымъ у гусарскаго офицера, тяжело раненаго въ голову въ бою съ германскими войсками и оставленнаго на полѣ сраженія при отходѣ гусаръ.

Подъ сильнымъ огнемъ Выжимокъ разыскалъ своего офицера, состояніе котораго казалось безнадежнымъ, и доставилъ къ своимъ.

Выжимокъ, одинъ, скрываясь подъ мостами, въ канавахъ этъ непріятельскихъ дозоровъ, несъ офицера подъ непріятельскимъ огнемъ на протяженіи 6 верстъ.

Какъ молодцы-казаки уничтожили нѣмецкій блиндированный поѣздъ.

Засѣвшіе на время въ Ченстоховѣ пруссаки желали продвинуться вглубь П. . . . губерніи на сѣверо-востокъ.

Такъ какъ часть желѣзнодорожной линіи была въ ихъ рукахъ, они рѣшили использовать прибывшій изъ Германіи блиндированный поѣздъ въ составѣ пятнадцати длинныхъ, закованныхъ въ желѣзо вагоновъ и гигантскаго паровоза въ непроницаемой кирасѣ.

Нагруженный нѣсколькими пулеметами и полубатальономъ солдатъ, этотъ, убѣжденный въ своей неуязвимости, поѣздъ-драконъ, двинулся изъ Н. по направленію къ К.

И все было бы хорошо у нѣмцевъ, если бы не эти „ужасные казаки“, недремлющими, стоглазыми Аргусами бодро и неустанно рыскающие.

Полусотня раскинувшись лавою, двигалась, развернувшись съ обѣихъ сторонъ полотна, пересѣкающаго основной лѣсъ.

Молодой офицеръ, съ помощью своего „Цейсса“ убѣдился, что навстрѣчу ему несетъ непріятельскій блиндированный поѣздъ.

Переправа орудія въ бродѣ.

Пляска по случаю радостныхъ вѣстей съ войны.

Но что съ нимъ подѣлаешь, съ этимъ огнедышащимъ дракономъ, у котораго даже Ахилессовой пятки нѣтъ? Обстрѣлять изъ винтовокъ—не почувствуетъ. Все равно, что носорогъ, укушенный мирной комнатной мухой.

Но вдругъ молодого офицера осѣнилъ планъ, за осуществленіе котораго онъ принялся тотчасъ же.

Онъ раздѣлилъ свой отрядъ на двѣ половины.

Первая должна была такъ обстрѣливать блиндированное чудовище и такъ „маневрировать“, чтобъ нѣмцы заподозрили въ тылу у казаковъ значительный русскій отрядъ.

Вторая половина удалыхъ станичниковъ была брошена стремительнымъ, бѣшенымъ вихремъ черезъ рельсы въ тылъ поѣзда, чтобъ забраться туда незамѣченной и возможно скорѣй и спѣшнѣй разворотить у какого-нибудь крутого откоса путь.

Какъ по писанному вышло.

Поѣздъ смѣло и дерзко обстрѣляемый казаками, гарцовавшими подъ ливнемъ отвѣтныхъ пуль, заподозрилъ для себя впереди неладное.

И „береженаго Еогаъ бережетъ“—панцирный драконъ

заднимъ ходомъ рѣшилъ вернуться обратно.

А въ это время сзади верстахъ въ шести спѣшившіеся казаки уже развинтили рельсы и, засѣвъ недалеко въ сосѣдней рощѣ, ждали, что будетъ...

Поѣздъ отступалъ спокойно, увѣренно заднимъ ходомъ, не имѣя основанія подозрѣвать за спиной какихъ либо неприятныхъ случайностей.

И—катастрофа!

Вагоны увлекая другъ друга, сплющиваясь, и давя наполнявшую ихъ человѣческую гущу, вмѣстѣ съ паровозомъ ринулись внизъ съ крутого, глинистаго откоса.

Около умирающаго врага.

Казаки, выскочившіе изъ рощи, были тутъ какъ тутъ.

Своими шашками искрошили мигомъ тѣхъ немногихъ нѣмцевъ, которымъ посчастливилось унести свои головы отъ крушенія. По странной случайности всѣ пулеметы оказались неповрежденными, сдѣлавшись военной добычей нашей.

„Казаки—дьяволы, борьба съ которыми положительно невысказима“,—доносилъ ченстоховскій „комендантъ“ по начальству.

Какъ фельдфебель Семень Дергачъ привелъ съ собой изъ австрійскаго плѣна сотню австрійцевъ.

Корреспондентъ „Н. Вр.“ на позиціяхъ узналъ о подвигѣ фельдфебеля Б. полка Семена Дергача.

Онъ былъ взятъ въ плѣнъ австрійцами и обезоруженъ, однако, на этомъ не успокоился.

Офицеръ отряда оказался славянинъ.

Фельдфебель съ нимъ разговаривался, рассказалъ объ успѣхахъ русскаго войска, о томъ, что русскіе прекрасно обращаются съ плѣнными, особенно съ славянами.

Дергачъ долго убѣждалъ австрійскаго офицера, наконецъ уговорилъ его сдать и пойти въ плѣнъ.

Каково было изумленіе нашихъ, когда фельдфебель привелъ за собой отрядъ плѣнныхъ до 100 человекъ во главѣ съ офицеромъ. Дергачъ награжденъ Георгіемъ.

Чудо-богатыри.

Въ бояхъ въ Холмскомъ районѣ одна наша батарея разстрѣляла снаряды и неожиданно была атакована австрійской пѣхотой.

Выпустивъ послѣднюю шрапнель, батарея снимается, но почти тотчасъ вязнетъ въ болотѣ.

Окруженные неприятелемъ, артиллеристы съ батарейнымъ командиромъ впереди, имѣя только шашки и револьверы, бросаются въ контръ-атаку и опрокидываютъ неприятеля. Затѣмъ трупы они кладутъ подъ колеса пушекъ. Осыпаясь пулями орудія по трупамъ вывозятся изъ бо-

лота и подоспѣвшими снарядами разсѣиваютъ австрійскую пѣхоту.

Этотъ случай невольно воскрешаетъ другой, еще болѣе героическій эпизодъ изъ временъ завоеванія Кавказа.

Тогда тоже одна изъ русскихъ батарей, окруженная горами, не могла прорваться черезъ вражеское кольцо,—на пути ея находилась глубокая канава.

Но русскіе солдаты легли на эту канаву и заставили товарищей перевезти черезъ нихъ пушки...

Какъ рядовой Гавриленко спасъ роту отъ непріятельскихъ пулеметовъ.

Въ сраженіи при К. рядовой пѣхотнаго полка Гавриленко спасъ свою роту отъ пулеметнаго огня непріятеля. Встрѣтивъ въ открытомъ полѣ пулеметную непріятельскую роту, солдаты залегли въ ржи, а раненый въ ногу Гавриленко взобрался на дерево и мѣткимъ огнемъ сталъ выбивать пулеметную роту.

Снизу ему бросали патроны, съ сосѣдняго дуба корректировали его стрѣльбу.

Когда спустя четверть часа пулеметы затихли и къ нимъ подошли, то оказалось, что вся прислуга при пулеметахъ перебита.

Подвигъ еврея Ошмаса.

Въ госпиталь доставленъ еврей вольноопредѣляющійся Ошмасъ, спасшій въ пылу сраженія знамя.

Ошмасъ закололъ двухъ нѣмцевъ и самъ былъ тяжело раненъ.

Герой награжденъ Георгіемъ.

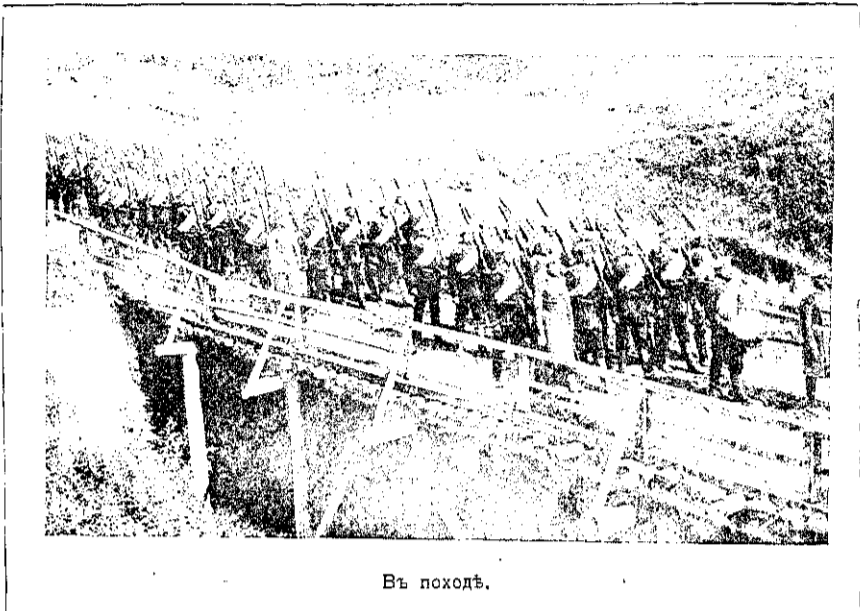
Командующій арміей прислалъ въ госпиталь телеграмму съ просьбой принять мѣры къ спасенію жизни героя.

Долгъ солдата.

Пріѣхавшіе раненые передаютъ, что въ бояхъ подъ Л. солдаты подъ пулями непріятеля нѣсколько часовъ подъ рядъ вели подъ руки раненаго офицера. „Да бросьте,—просилъ онъ,—безъ меня вы на цѣлыя сутки раньше въ безопасное мѣсто пришли бы. Но солдаты исполнили свой долгъ до конца,—съ большою опасностью, и сами спаслись, и своего начальника спасли.

Герой-артиллеристъ.

Въ дѣлѣ подъ С. снарядъ разорвался около орудійнаго колеса и орудіе замолкло.

Въ походѣ.

— Вы что не стрѣляете?!—крикнулъ руководившій стрѣльбой офицеръ.

— Чичась, ваше благородіе.

Оказалось, одинъ убитъ, у другого перебиты ноги, третій свалился отъ пули, скользнувшей по черепу и сорвавшей кожу.

Отвѣтилъ этотъ третій.

Въ первый моментъ, ошеломленный ударомъ, онъ свалился, затѣмъ вскочилъ, съ лицомъ залитымъ кровью и крикнулъ своимъ товарищамъ: „Ни черта, братцы, цѣль“, отвѣтилъ на окрикъ офицера и орудіе загрохотало вновь.

Контуженный и съ перебитыми ногами лежалъ вблизи орудія и уцѣлѣвшими руками ставилъ дистанціонныя трубки. Раненый въ голову ушелъ на перевязку лишь въ 10 ч.

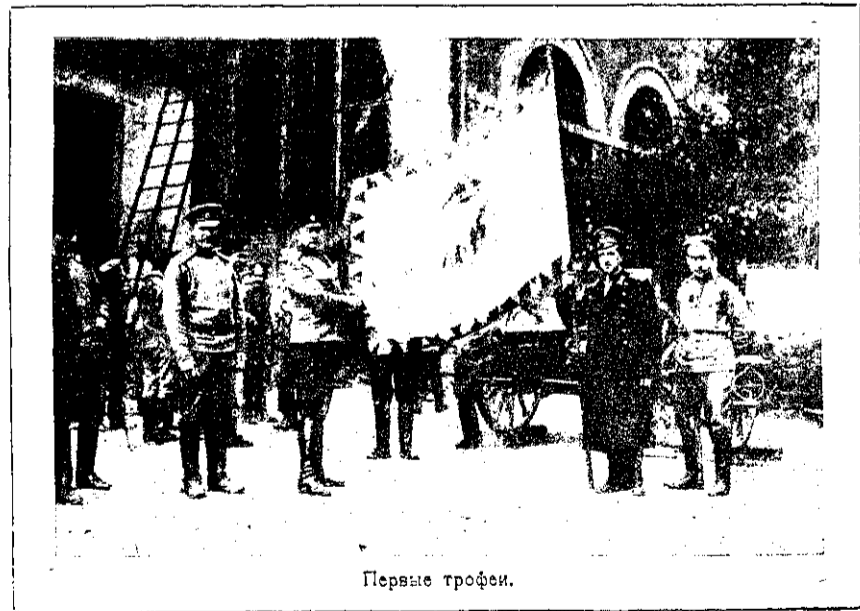
вечера, да и то только по приказанію офицера.

Какъ четыре казака мостъ взорвали.

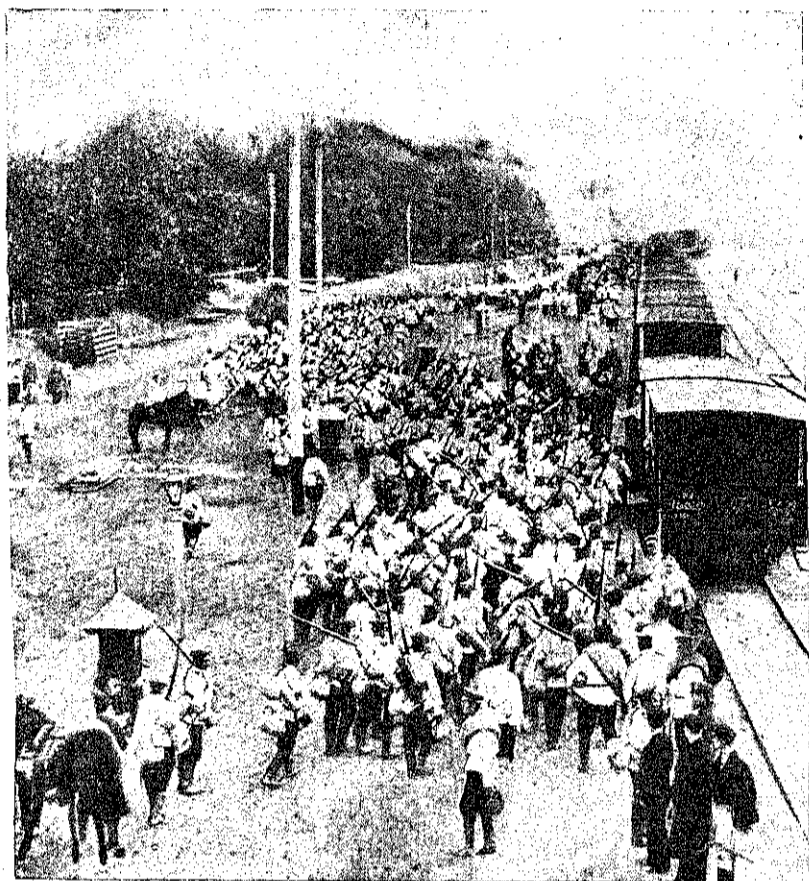
Подъ Ч. для охраны важнаго стратегическаго моста, нѣмцы поставили передовую цѣпь, за ней заставу и, кромѣ того, усиленную охрану самаго мостоваго строения. Отрядъ кубанцевъ, въ составѣ 4 чел., ночью попытался взорвать мостъ.

Запасшись пироксилиновыми шашками и биксфордovým шнуромъ, казаки прошли цѣпь, снявъ кинжалами безъ крика часовыхъ, и проползли къ рѣкѣ.

Бросившись въ воду, казаки въ темнотѣ подплыли къ деревяннымъ

Первые трофеи.

У воинскаго поѣзда. (Въ русско-японскую войну).

устоямъ моста и, ловко взобравшись по перекладинамъ подъ настиль, кинжалами сдѣлали отверстия и, прикрѣпивъ шашки, подожгли шнуръ.

Уплывъ обратно и выбравшись на берегъ, храбрецы стали ожидать взрыва, котораго, къ смущенію ихъ, долго не было.

Для проверки они рѣшили бросить жребій и послать одного осмотрѣть шнуръ.

На жеребьевку никто не согласился, такъ какъ всѣ рѣшили плыть вторично.

Доплыли опять до моста.

Оказалось, что въ одномъ мѣстѣ шнуръ замокъ и потухъ.

Его обрѣзали и зажгли снова.

Свѣтъ привлекъ вниманіе нѣмцевъ, которые открыли по рѣкѣ пальбу.

Казачи, видя, что дѣло плохо, бросились въ воду и поплыли по теченію.

Не успѣли они отплыть и 20 саж., какъ раздался взрывъ, и мостъ рухнулъ въ рѣку.

Храбрецы, выйдя на берегъ, благополучно вернулись къ своимъ.

Подъ огнемъ орудіе смазываютъ.

Во время боя на осыпаемой пулями и снарядами батарее можно было подмѣтить такую сценку.

Солдатъ не можетъ открыть затвора у орудія. Обращается къ командиру батареи:

Русскій казакъ.

— Ваше благородіе, никакъ не могу открыть затворъ,—что дѣлать?

Рядомъ находящійся солдатъ преспокойно говоритъ:

— Да ты сходи, возьми изъ сумки масленку и смажь.

И вотъ подъ огнемъ берется масленка, спокойно смазывается, что нужно, и орудіе опять выбрасываетъ снаряды.

Какъ казакъ австрійцевъ въ плѣнъ взялъ.

Казакъ, получившій мучительную продольную рану (пуля прошла черезъ всю руку, отъ кисти до локтя), только что пришелъ съ перевязки и, беззаботно, съ огонькомъ юмора въ глазахъ, рассказывалъ, какъ во время сраженій они „снимали“ съ коня австрійскихъ офицеровъ и доставали у нихъ изъ сѣделъ фляжки съ напитками.

— „Коньякъ“ называется, братцы... И духовитая, я вамъ скажу, штука!..

Казацкая молодежь, видимо, воюетъ съ удовольствіемъ, и въ войнѣ ее особенно привлекаетъ молодечество, удаля, лихость.

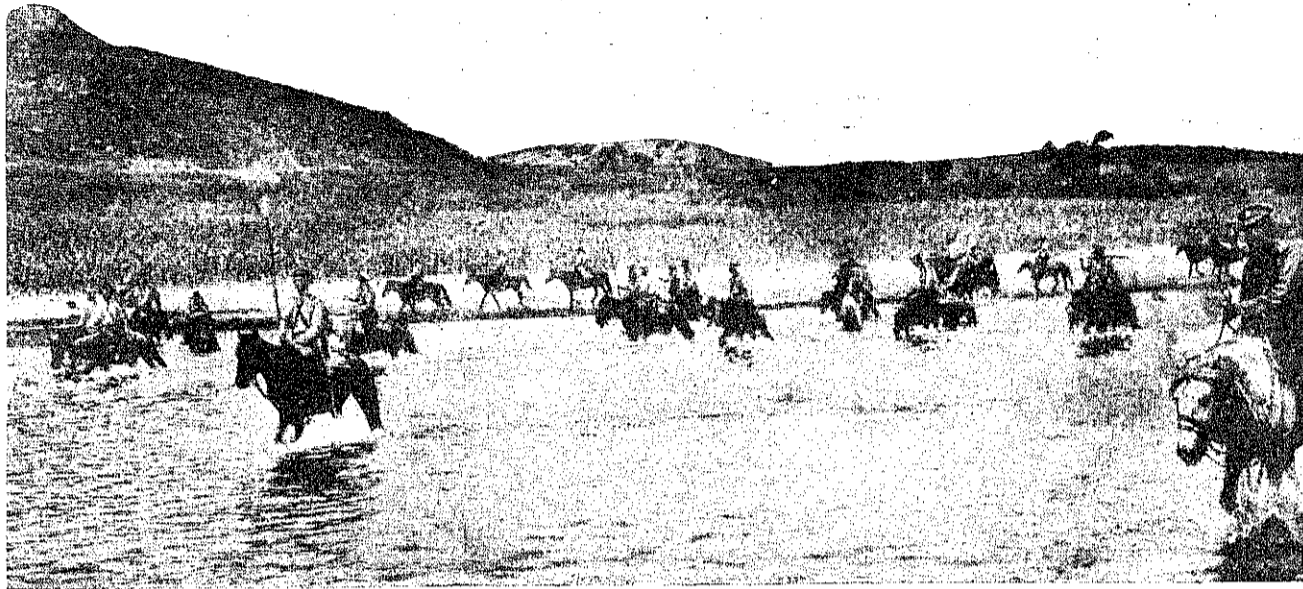
Отбить манерку съ коньякомъ, угнать косякъ вражескихъ лошадей, свѣситься съ сѣдла головой внизъ и, подскакавъ къ врагу, выпалить въ него изъ-подъ брюха коня—вотъ что ихъ плѣняетъ, увлекаетъ и тѣшитъ.

Тотъ самый казакъ, который получилъ продольную рану въ руку, рассказывалъ, на примѣръ, какъ онъ попалъ въ плѣнъ къ австрійцамъ.

Ихъ сотня сражалась въ пѣшемъ строю. На бѣгу онъ почувствовалъ, что „лѣвой руки что-то не слышать“. Оглянулся—вся въ крови. Съелъ на землю, раздѣлся, сталъ перевязывать носовымъ платкомъ.

— Одинъ конецъ зубами тяну, другой—рукою. Какъ вдругъ—шашка, два австрійца по бокамъ выросли и винтовку мою схватили.—Сдавайся!—кричатъ по-польски.—Ахъ ты, думаю, собачьи дѣти! Что-жъ, говорю, берите, ваша взяла! Повели они меня.. Иду я, братцы мои, и самъ себя чернымъ словомъ ругаю.—Эхъ ты, говорю, ворона, дубина, говорю, треклятая: какъ барана тебя ведутъ, дурака, и будешь ты сидѣть въ бурсманской землѣ до скончанія вѣка.

— Ну, только мы вышли на пригорокъ, я возьми да бухъ на землю, растянулся и кричу: ложись, ложись скорѣе! русскіе идутъ, застрѣлятъ и меня и васъ!.. Они и легли на брюхо...—„Гдѣ, молъ, русскіе, цо такого?“—Вонъ, говорю, въ лѣсочкѣ притаились!.. А самъ не будь простъ,

Переправа въ бродъ черезъ рѣку.

потихоньку подползаю да винтовку хватать:—Стой, говорю, сукины дѣти! Теперь вы плѣнные будете.—Не шевелись, кричу, а то до смерти убью!.. И такъ, братцы, ихъ перепужалъ, что пошли мои австрійцы, какъ телята. Бросили ружья и пошли за мной къ нашимъ...

Гусарская хитрость.

Подъ К. разъѣздъ гусаръ въ 50 чел. наткнулся въ лѣсу на роту австрійцевъ.

Предупрежденные объ этомъ гусары раздѣлились, при чемъ одна часть засѣла въ засаду, другая же, человекъ въ 15, направилась «лавою» по лѣсу противъ австрійцевъ.

Послѣдніе открыли по гусарамъ огонь, въ виду чего, отрядъ повернувъ обратно, инсценировалъ бѣгство.

Австрійская рота бросилась за гусарами и попала на засаду, открывшую бѣглый огонь по густой ротной колоннѣ, который смѣшалъ ряды австрійцевъ.

Пользуясь этимъ, гусары вскочили на лошадей и напали на австрійцевъ, рубя направо и налево, фиктивно же убѣгавшій отрядъ захватилъ по лѣсу ротѣ въ тылъ.

Въ результатъ, отъ австрійской роты остались въ живыхъ лейтенантъ и 3 солдата.

Остальные были перебиты и ранены.

Молодцы—артиллеристы.

Въ одномъ мѣстѣ наша батарея помчалась на позицію, находящуюся прямо передъ носомъ австрійца,

всего въ двухстахъ шагахъ отъ наступавшей австрійской пѣхоты.

Наши артиллеристы набросили скатки (шинели) на шею и подъ страшнымъ ружейнымъ огнемъ взлетѣли на позицію, снялись съ передковъ, открыли убійственную пальбу изъ орудій и не дали австрійской пѣхотѣ продвинуться болѣе десяти шаговъ, устилая поле неприятельскими трупами.

Сниматься съ этой позиціи, когда это понадобилось, было, конечно, нелегко. Орудія вывозились не на лошадахъ, а на людяхъ, причемъ орудія вывозились такъ; два орудія продолжали стрѣлять, а остальные увозились, затѣмъ и эти два орудія были увезены людьми въ то время, когда сзади на новой позиціи были установлены два орудія, которыя и сдерживали австрійцевъ.

Накъ плѣнный казакъ взялъ въ плѣнъ нѣмецкаго офицера.

Лица, прибывшія изъ П., рассказываютъ, что нѣмецкому уланскому разъѣзду, во время схватки съ казаками, удалось захватить въ плѣнъ одного изъ казаковъ, котораго придавила, падая, споткнувшаяся лошадь.

Плѣнника привели въ П.

Когда нѣмцы узнали о плѣнѣ казака, они со всѣхъ сторонъ сбѣжались къ мѣсту, гдѣ допрашивали плѣннаго.

Одинъ изъ нѣмецкихъ офицеровъ, пожелалъ испытать лошадь казака и сѣлъ на нее, но, несмотря на пощипанія, удары и шпоры, казачій конь не двигался съ мѣста.

Тогда плѣнный казакъ знаками

предложилъ офицеру сѣсть вмѣстѣ съ нимъ на лошадь.

Офицеръ согласился, сознавая свою полную безопасность, въ виду того, что кругомъ были сотни германскихъ солдатъ.

Казакъ однимъ прыжкомъ вскочилъ на крупъ лошади, гикнулъ, и конь стрѣлой понесся съ двумя сѣдоками по улицѣ, направляясь за городъ.

Пѣхотинецъ въ полной походной формѣ.

Старый ветеранъ—дворцовый гренадеръ.

Казакъ схватилъ рукой за горло офицера, прижалъ его голову себѣ къ груди и, вынувъ у него изъ кобуры его собственный револьверъ, пригрозилъ имъ нѣмцу и погналъ лошадь еще пуще.

Нѣмецкія заставы, видя на конѣ своего офицера, а за нимъ солдата, пропустили ихъ, не понявъ криковъ гнавшейся толпы солдатъ, которые не стрѣляли, боясь убить вмѣстѣ съ казаконъ и своего офицера.

На городской заставѣ казакъ выпустилъ пять пуль въ конную уланскую заставу и прекратилъ этимъ ближайшую погоню.

Проскакавъ съ полужадушеннымъ нѣмцемъ верстъ 10, казакъ встрѣтилъ свой разъѣздъ, которому и передалъ своего плѣнника.

Ветераны-патріоты.

Преисполненные высокогуманнымъ чувствомъ къ страждущимъ воинамъ настоящей войны состоящіе подъ покровительствомъ Александровскаго комитета о раненыхъ прапорщикъ арміи, унтеръ-офицеръ роты дворцовыхъ гренадеръ Березнякъ, отставной унтеръ-офицеръ Василій Кочуринъ и фельдфебель Кондратій Зайцевъ заявили комитету: первый, что онъ отказывается получить назначенное ему изъ инвалиднаго капитала пособіе (60 руб.) на воспитаніе сына; второй, что онъ отказывается навсегда получать назначенную ему за раны инвалидную пенсію (48 руб.), и третій, что онъ отказывается отъ слѣдующаго ему въ текущемъ году пособія (40 руб.).

Александровскій комитетъ о раненыхъ, высоко цѣня такое проявленіе патріотическихъ чувствъ названныхъ воиновъ, постановилъ: прапорщику Березняку выразить благодарность, унтеръ-офицера Кочуринъ оставить въ покровительствѣ комитета, такъ какъ онъ въ послѣдствіи, по состоянію здоровья и имущественному положенію, можетъ нуждаться въ помощи комитета, которая въ такомъ случаѣ, безъ новаго разсмотрѣнія его правъ, можетъ быть немедленно ему оказана, пенсію же, согласно выраженному имъ желанію, прекратить, и фельдфебелю Зайцеву объявить „спасибо“.

Письмо еврея.

Характерно для настроенія арміи, особенно раненыхъ, слѣдующее письмо, присланное евреемъ одесситомъ своимъ роднымъ:

„У насъ была большая свадьба, такая большая, что и сказать вамъ не могу; насъ вѣнчали съ побѣдой,

которая крѣпко насъ полюбила. Вино на свадьбѣ лилось рѣкой. Я принесъ въ подарокъ невѣстѣ руку, а братъ мой ногу. Послѣ свадьбы наши быстро пошли впередъ, а я съ братомъ остались и отдыхаемъ въ лазаретѣ“.

Какъ семь казаковъ восемьдесятъ австріяковъ въ плѣнъ взяли.

Небольшой казачій разъѣздъ изъ семи человекъ производилъ ночью развѣдку.

Обратившись къ офицеру, одинъ изъ казаковъ доложилъ:

— Ваше благородіе, позади что-то блещитъ.

Офицеръ обернулся и сказалъ:

— Кажется, ничего.

— Позвольте, ваше благородіе, я съѣзжу?

— Поѣзжай.

Казакъ поѣхалъ и, осторожно окружившись и объѣхавъ подозрительное мѣсто, обнаружилъ непріятельскія повозки съ патронами.

Конвой спалъ.

Казакъ вернулся и доложилъ офицеру.

Нашъ разъѣздъ поскакалъ туда и окружилъ обозъ, но сдѣлавъ это такъ лихо, что очнувшіеся австріяцы увидѣли впереди себя сабли, а сзади—ники.

Австріяскій офицеръ еще пытался было скомандовать сопротивленіе, но оказалось поздно.

80 человекъ австріяцевъ сдались.

Потомъ этотъ офицеръ стоялъ сконфуженный съ понуренной головой около своихъ повозокъ, а казаки смѣялись.

Любовь нижнихъ чиновъ къ офицерамъ.

Разсказываютъ о неограниченной любви, доходящей до самопожертвованія, нашихъ нижнихъ чиновъ къ своимъ офицерамъ.

Во время одного изъ сраженій былъ раненъ полковникъ Казакевичъ. Наши солдаты бросились къ своему командиру, желая вынести его изъ сферы огня.

Австріяцы, замѣтивъ бѣжавшихъ солдатъ, усилили огонь.

Несмотря на то, что нѣсколько нашихъ было ранено, солдаты добѣжали до своего начальника и благополучно вынесли его изъ огня.

Казачій „фокусъ“.

Участники боевъ подъ П. разсказываютъ о слѣдующемъ случаѣ:

„Одинъ изъ казаковъ, ѣхалъ впереди отряда дозорнымъ.

Австрійцы, какъ это у нихъ водится, дозорнаго пропустили, а послѣдовавшему сзади его отряду открыли стрѣльбу.

Отрѣзанный отъ своихъ, онъ рѣшилъ было прорваться къ своимъ, однако, австрійцы убили подъ нимъ лошадь и казаку ничего не оставалось сдѣлать, какъ сдаться въ плѣнъ.

Отступая, австрійцы пришли въ какую-то деревню недалеко отъ Т., гдѣ остановились на ночлегъ и стали спрашивать казака, — какимъ образомъ казаки, атакуя непріятельскіе окопы на лошадахъ, ухитряются чуть ли не передъ самыми окопами спѣшиваться и уже пѣшкомъ идти въ бой.

Казакъ вызвался объяснить этотъ фокусъ австрійцамъ и попросилъ, чтобы ему дали лошадь.

Просьба казака была исполнена.

Выбравъ изъ представленныхъ въ его распоряженіе трехъ лошадей лучшую, казакъ вскочилъ въ сѣдло и продѣлалъ передъ изумленными австрійцами рядъ вольтажей.

Проджигитовавъ нѣсколько времени и убѣдившись, что конь надежный, казакъ круто повернулъ въ сторону и, сбивъ двухъ преградившихъ ему дорогу австрійцевъ, прорвался въ поле и понесся стрѣлой.

Вслѣдъ казаку посыпались пули, раздались крики погони, но казака уже и слѣдъ простылъ“.

Письмо солдата.

„Дорогіе, шлю вамъ письмо, что я нахожусь въ за-границѣ, въ Австріи. Мы тамъ охраняемъ. Россія перешла границу въ полномъ благополучіи и ни одному чело-вѣку не повредила. Россія беретъ очень удачно. Австрія отступаетъ, удираетъ обратно. Надѣюсь, что вскорости они совсѣмъ сдадутся. Нашъ полкъ попалъ на охрану желѣзной дороги. Сегодня нашъ полкъ задержалъ поѣздъ австрійскій и много войска и вещей. Россія очень успѣла, такъ что лучше не надо. Она уже забрала много земли, такъ притѣснила Австрію, что ей придется сдаться.

У орудія.

„Надѣюсь, что мы увидимся здоровы. Ничего не подѣлаешь, я не одинъ. Вѣдь вамъ извѣстно, какіе люди пошли, которые имѣютъ семейство. Мнѣ ничего, въ особенности нашъ полкъ, такой счастливый. Мнѣ домъ больше беспокоитъ, чѣмъ я нахожусь на чужой сторонѣ.

Русскіе солдаты и плѣнный нѣмецъ.

Мы подѣзжали къ станціи Ж. У оконъ показались лица солдатъ, а черезъ минуту весь вагонъ

уже полонъ былъ бородатыми, волосатыми солдатиками.

Наперерывъ, толкая другъ друга, они старались поближе пробраться къ нѣмцу и съ нескрываемымъ любопытствомъ осматривали его, трогали сапоги, пробовали на ощупь тужурку плѣннаго и удивлялись добротности матеріала.

— Эй, дядя, — обратился одинъ къ плѣнному, — возьми-ка въ путь-дорогу, тебѣ пригодится! — и подаль черезъ головы стоявшихъ впереди вязку постныхъ баранокъ.

— Бери, солдатъ, и отъ меня, — сказала маленькій солдатикъ съ рыжимъ веснушчатымъ лицомъ и началъ опражнять свои бездонные карманы, полные яблокъ. И, обратясь къ товарищамъ, добавилъ, какъ бы желая оправдать свой поступокъ: „Хоть и нѣмецъ, а вѣдь тоже за свое отечество сражается“.

— И отъ меня, и отъ меня, — раздалось вдругъ, голоса, и десяти кружъ протянулись къ плѣнному врагу, кто съ булкой, кто съ папирсой, кто съ яблокомъ.

На позиціи.

Русскій герой.

Русскій ополченецъ-доброволецъ И. Сидоровъ, который воюетъ бокъ о бокъ со своимъ сыномъ и внукомъ.

Солдаты медленно расходились. У выхода останавливались, чтобы еще разъ взглянуть на нѣмца и нескотно уходили.

Одинъ изъ нихъ, высокій рябой мужикъ съ большой бородой и свѣтлыми глазами, замѣшкался около плѣннаго. Вынувъ изъ-за косоворотки мѣшечекъ, привязанный тесемкой, онъ высыпалъ содержимое на ладонь и, найдя среди мѣди и мелкаго серебра рубль, торопливо и неуклюже какъ бы боясь, что увидятъ, всунулъ его въ руку нѣмцу.

— Возьми, братецъ, тебѣ-то пригодится въ плѣну, а мнѣ... вѣдь не знаю, буду ли жить еще завтра... Твой то меня ужъ, можетъ, укокошашать.

И поспѣшно вышелъ.

На послѣдней станціи до В. . . . — „И. . . .“ я отправился къ плѣнному, чтобы попрощаться. Зайдя въ вагонъ, я увидѣлъ его лежащимъ на скамьѣ. На столикѣ у окна въ беспорядкѣ были недавнія подношенія—тутъ же лежалъ серебряный рубль.

Подложивши руку подъ голову и закрывъ глаза фуражкой, нѣмецъ безмятежно храпѣлъ.

— Тише, нѣмецъ спитъ,—вдругъ раздался сердитый шопотъ конвой-

наго. — Развѣ не видите, что-ли; вѣдь надо же пожалѣть человѣка. Сколько ночей не спалъ, а вы тутъ ходите!

Казакъ и нѣмецкій мальчуганъ.

Своимъ поведеніемъ наши казаки выказали себя весьма великодушными съ неприятелемъ. Ожесточенные въ бою, не знающіе никакого страха въ огнѣ, казаки выказали много фактовъ хорошаго отношенія къ мирнымъ жителямъ.

Одинъ казацкій дозоръ 8 верстъ осторожно везъ на своихъ коняхъ найденнаго въ полѣ кѣмъ-то покинутаго и голоднаго нѣмецкаго мальчишка 7-ми лѣтъ.

Мальчикъ оставленъ при одномъ изъ лазаретовъ.

Русскій солдатъ и австріецъ.

Г. Александръ Яблоновскій рассказываетъ о посѣщеніи имъ кievскаго госпиталя, гдѣ плѣнный раненый австріецъ сидѣлъ на своей койкѣ, по поясъ закрытый одѣяломъ, и больные, съ желтыми бѣлками глаза его безучастно глядѣли изъ полузакрытыхъ вѣкъ.

Онъ, видимо, лихорадилъ и дыханіе со свистомъ и даже съ какимъ-то шипѣніемъ вырывалось изъ его груди.

— А это у насъ австріякъ. — объяснилъ мнѣ солдатъ въ подштанникахъ. — Изъ хохловъ онъ, но только націи другой... Тяжелый... Подъ машину (пулеметъ) попалъ, сердешный: двѣ пули въ грудь навывлетъ, а третья въ колѣнную чашку.

Я со страхомъ и съ замираніемъ сердца еще разъ посмотрѣлъ на желтые бѣлки этого человѣка, на его запекшіяся губы и прислушался къ его ужасному дыханію. При каждомъ вздохѣ австріякъ дѣлалъ такое движеніе тѣломъ, какое бываетъ у людей, когда они сильно икаютъ. Въ пяти шагахъ отъ него мнѣ было слышно, какъ шипитъ, клокочетъ, свиститъ и хрипитъ въ его прострѣленной груди.

Солдатикъ въ подштанникахъ нагнулся надъ австріякомъ и поднесъ ему раскрытую коробку.

— Что-жъ, ты, землячекъ, конфетку, а?.. Она кисленькая..

— Не надо, не троньте, не троньте, не беспокойте его,—попробовалъ было я остановить молодого солдата. Но, къ моему удивленію, желтая, безсильная рука австріяка приподнялась съ одѣяла, и онъ взялъ щепотку конфетъ и сталъ ѣсть. Бѣлые, сплошные, крестьянскіе зубы его громко и съ очевиднымъ удо-

вольствіемъ хрустѣли, а изъ груди все съ такимъ же ужасающимъ шипѣніемъ вырывалось дыханіе и такъ же вздрагивало все тѣло, точно отъ сильной икоты.

— Спасыбі,—не поднимая глазъ, тихо прохрипѣлъ австріякъ, а молоденькій солдатъ въ подштанникахъ еще разъ объяснилъ мнѣ:

— Изъ хохловъ онъ: все понимаетъ, и говорить можетъ, только націи не нашей,—австрийской націи человѣкъ...

Раненый казакъ и плѣнный австріецъ.

Любопытный случай рассказали одинъ военный врачъ.

Обходя палаты съ ранеными, онъ нашелъ двухъ раненыхъ казака и австрийскаго пѣхотинца, мирно бесѣдующихъ другъ съ другомъ.

У казака глубокая рубленая рана руки, у австрийца рѣзаныя раны головы и руки и глубокая штыковая рана въ области живота.

Оба лежали, повернувшись другъ къ другу, и мирно бесѣдовали.

Врачъ заинтересовался ранеными, и оказалось, что они участвовали въ одномъ бою и во время сраженія ранили другъ друга.

— Я, ваше благородіе,—рассказывалъ казакъ,—рѣзанулъ его по головѣ, а онъ бросился на меня, я его рубнулъ по рукѣ, а онъ опять на меня и ранилъ меня въ руку. Тогда я его штыкомъ пырнулъ въ животъ и мы вмѣстѣ упали, а послѣ боя насъ вмѣстѣ подняли и вотъ привезли сюда въ госпиталь.

Австріецъ молча слушалъ рассказъ своего бывшаго врага, а когда тотъ окончилъ, онъ, медленно растягивая слова, замѣтилъ: „Да, вѣрно, это онъ меня ранилъ“.

Какъ русскій ефрейторъ заболѣлъ изъ за гибели австрийскаго офицера.

Во время лѣсной перестрѣлки за Л. . . . , нашъ ефрейторъ замѣтилъ цѣлившагося въ кого-то австрийскаго офицера.

Мѣткимъ выстрѣломъ ефрейторъ сбилъ офицера съ лошади, но потомъ почувствовалъ жалость, подошелъ къ офицеру, перевязалъ его, взвалилъ на плечи и подъ артиллерійскимъ огнемъ пытался вынести въ безопасное мѣсто.

Раненый успѣлъ дать ефрейтору свою фотографію съ просьбой въ случаѣ смерти послать по указанному на оборотѣ адресу.

Просьба растрогала ефрейтора. Въ этотъ моментъ снарядъ разор-

валь офицера на части, ефрейтора ранилъ легко.

Потрясенный гибелью раненаго австрійскаго офицера, ефрейторъ заболѣлъ.

Казачья тоска по „работѣ“.

Вотъ казакъ, раненый пулей въ щеку навилетъ: пробивъ щеку, пуля вылетѣла изо рта, не задѣвъ ни языка, ни зубовъ. На вопросъ, какъ это такъ случилось, казакъ добродушно отвѣчаетъ съ улыбкой:

— Стоялъ и курилъ; затянулся, смотрю: изо рта, вмѣстѣ съ дымомъ, вылетаетъ „канфетка“ (пуля). И хоть бы что: только щеку немножко просверлила. Не знаю, зачѣмъ держатъ здѣсь: товарищи тамъ работаютъ, а я тутъ со щекой...

Казакобоязнь у австрійцевъ.

Австрійцы казаковъ такъ боятся, что для конвоировапія 18 ти тысячъ плѣнныхъ, я это видѣлъ своими глазами, отрядили всего 15 казаковъ, и плѣнные шли съ полной покорностью, какъ если бы шли подъ конвоемъ цѣлаго полка.

Когда съ плѣнными пробовали заговаривать мѣстные жители, достаточно было цикнуть казаку, чтобы смѣльчаки со всѣхъ ногъ бросались на-утекъ.

Купленное у жителей стадо коровъ въ нѣсколько тысячъ головъ

Музыканты.

стерегли въ полѣ пять казаковъ, и никому въ голову не пришло бы отбить стадо.

Казакобоязнь у нѣмцевъ.

Раненые казаки на вопросъ врачей, есть ли среди раненыхъ каза-

ковъ и пострадавшіе въ рукопашномъ бою, съ гордостью отвѣтили:

— Мы, вашъ скородіе, идемъ на нѣмцевъ, а они насъ къ себѣ не подпускаютъ...

Какъ сообщили казаки, они разстрѣливаютъ нѣмецкихъ кавалеристовъ изъ винтовокъ.

Когда же бросаются на нѣмцевъ въ атаку, оставшіеся въ живыхъ кавалеристы бѣгутъ отъ русскихъ.

— Нѣмцамъ столько про насъ наговорили,— рассказываетъ одинъ изъ раненыхъ казаковъ,— что они боятся одного нашего вида.

Сосѣди въ госпиталѣ.

Семь дней тому назадъ это были лютые враги. Они стрѣляли, кололи, работали прикладами...

Но сейчасъ— это мирные, добродушные и очень сочувствующіе другъ другу (сосѣди). Въ одномъ и томъ же сраженіи одному изъ нихъ перебили руку, а другому прострѣлили ногу.

— Що-жъ, оце, вы чаю больше не пьете? — спрашиваетъ нашъ хохоль австрійскаго.

Но австрійскій слегка икаетъ, крестится и вѣжливо благодаритъ:

— Не, буде вже... Дякую...

Когда смотришь на эти типичныя, вспотѣвшія отъ чаю, хохлацкія лица и когда прислушиваешься къ ихъ медлительному, по-малороссійски вѣжливому разговору, невольно теряешь всякое представленіе о войнѣ. Такъ

У походной кухни.

вотъ и кажется, что оба хохла ходили куда-то на заработки, гдѣ-то косили панскую пшеницу, а затѣмъ, возвращаясь въ родное село, претерпѣли желѣзнодорожное крушеніе и теперь, обвязанные и забинтованные, лежатъ въ больницѣ и калякаютъ.

— О чемъ калякаютъ?

Да все о томъ же: о панской пшеницѣ, о заработкахъ, о влахъ, о кievской лаврѣ...

Казакъ въ госпиталѣ.

Рослые, плечистые, сильные люди, они больше всего поразили меня своей необыкновенной, почти неестественной выносливостью и живучестью.

Желѣзное, „донское“ здоровье ихъ шутя переноситъ страданія и легко справляется съ жесточайшими ранами.

Казакъ, удивившій меня своимъ сходствомъ съ Шалыпинымъ, получилъ, недѣлю тому назадъ, двѣ раны: сабельный ударъ по виску и почти на-прочь отрубленный большой палецъ на правой рукѣ.

Но при мнѣ, т. е. всего черезъ недѣлю, онъ уже просилъ старшаго врача выписать его.

— Ваше благородіе! запишите меня въ слабосильную команду; что мнѣ тутъ-то?

— А не рано ли будетъ, дружокъ?

— Да чего рано, ваше благородіе: на головѣ—пустяки остались, палецъ подживаетъ, а ко мнѣ, между прочимъ, родитель съ Дону ѣдетъ... Телеграмму получилъ...

— Ну, такъ что-жъ, что ѣдетъ?

— Какъ что, ваше благородіе: онъ у меня старикъ, человекъ почтенный, а я тутъ въ подштаникакъ да въ халатъ кожу—довольно совѣстно... Право, ваше благородіе, сдѣлайте милость, выпишите: долженъ же я передъ отцомъ-то совесть имѣть?...

Казакъ наивно обѣими руками взялся за свои подштаники, и видъ у него былъ обиженный, какъ-будто докторъ могъ, но не хотѣлъ предъотвратить явное неприличіе.

Опять за „Егорьемъ“.

Вотъ раненый солдатикъ изъ записныхъ, съ Георгіемъ.

Раненъ былъ легко, уже поправляется, и торопитъ врачей выписать его скорѣе, чтобы вернуться въ дѣйствующую армію.

— Побойся Бога, Иванъ, вѣдь тебя домой отпустятъ, зачѣмъ опять идти?—причитаетъ слезливо жена его.

— Ото дурна баба,—отвѣчаетъ ей Иванъ, смѣясь.—Что жъ тебѣ

— Это нѣмецъ выдумалъ?

— Оны! Всякая дипломатія отъ него пошла.

— А водку дипломаты пьютъ?

— Господь ихъ знаетъ! Судя по тому, что они иной разъ выкидываютъ—видать, что народъ не трезвый!

Отвѣтъ русскаго солдата Бисмарку.

Какъ извѣстно, Бисмаркъ однажды былъ въ Москвѣ.

Когда-тогдашній генералъ-губернаторъ князь Долгоруковъ ввелъ его въ свою библиотеку, Бисмаркъ замѣтилъ на груди служителя среди другихъ знаковъ отличія прусскій орденъ желѣзнаго креста.

— Какимъ образомъ вы его получили?—освѣдомился Бисмаркъ.

— За сраженіе при Кульмѣ!

Канцлеръ поздравилъ стараго солдата съ тѣмъ, что спустя 46 лѣтъ послѣ боя, когда Фридрихъ Вильгельмъ III учредилъ этотъ знакъ, онъ еще совсѣмъ молодецъ.

— Я бы и теперь пошелъ на войну,—сказалъ унтеръ,—если бы Государь позволилъ.

Бисмаркъ спросилъ, съ кѣмъ же онъ воевалъ бы, съ Италіей или Австріей? Унтеръ сталъ на вытяжку и съ энтузіазмомъ заявилъ:

— Завсегда противъ Австріи!

— Но, вѣдь, Австрія при Кульмѣ была союзницей Россіи, а Италія—противница ихъ!

Бисмаркъ ждалъ, а солдатъ, продолжая стоять въ военной молодецкой позѣ, отчетливымъ и далеко слышнымъ голосомъ, „какимъ отвѣчаетъ русскій солдатъ своимъ офицерамъ“, сказалъ:

— Честный врагъ лучше, чѣмъ фальшивый другъ...

Неожиданный отвѣтъ вызвалъ такой восторгъ князя Долгорукова, что въ тотъ же моментъ онъ заключилъ унтера въ объятія и обмѣнялся съ нимъ сердечнѣйшимъ поцѣлуемъ въ щеки.

Анекдотъ этотъ подлинный. Онъ рассказанъ самимъ Бисмаркомъ въ его воспоминаніяхъ.

„Подражать имъ, пожалуй, можно, сравняться—никогда“!.. Джигитовка казаковъ подъ перомъ французскаго художника (Рисунокъ Каранд'Аша).

шкодить (вредить), колы я другого Егорья принесу...

Солдатская бесѣда.

— Прощка, что такое нейтралитетъ?

— Это, Васька, такое дѣло, что, значить, ежели двое дерутся, то ты не лѣзь, не приставай, не твое дѣло! А пользешъ—и тебѣ въ морду!

— А какія это „ноты“, рассылаютъ? Неужто тѣ, по которымъ кумъ Фроль въ полку на трубѣ играетъ?

— Что не знаю—то не знаю. Можетъ статься и тѣ!

— Странное дѣло: вмѣсто того, чтобы толкомъ написать письмо, они „ноты“ посылаютъ.

— Дескать, понимай по звуку! На трубѣ чувствуешь, что я думаю.

Въ нижнемъ складѣ журнала „20-й ВЪКЪ“.

ПЕТРОГРАДЪ,

7-я Рождественская улица, домъ № 30,

а также у всѣхъ газетчиковъ столицъ и провинціа, на пристаняхъ
и во всѣхъ кіоскахъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ,
продаются слѣдующіе роскошно-иллюстрированные сборники
въ многокрасочныхъ обложкахъ:

1. **Нѣмецкія звѣрства.** Памятка для русскихъ людей съ подробнымъ описаніемъ всѣхъ звѣрствъ, учиненныхъ нѣмцами надъ мирными русскими гражданами.
2. **Кайзеръ Вильгельмъ въ анекдотахъ и нѣмцы въ карриатурахъ.** Сатирический сборникъ, безжалостно осмѣивающій нѣмцевъ во главѣ съ ихъ клоуномъ-кайзеромъ. Составилъ Ясновидящій.
3. **Наша союзница Франція.** Этнографическій очеркъ, дающій возможность каждому ознакомиться съ жизнью великаго французскаго народа. Масса иллюстрацій. Ноты „Марсельезы“.
4. **Наша союзница Англія.** Этнографическій очеркъ, подробно знакомящій съ современнымъ состояніемъ, бытомъ и военно-морскою мощью Англіи. Массы иллюстрацій.
5. **Русскіе военные анекдоты.** Историческіе и современные. Съ портретами и множествомъ рисунковъ.
6. **Русскій солдатъ,** его отвага, добродушіе и юморъ, проявленныя въ войнѣ 1914 года. Со множествомъ рисунковъ. Составилъ Альбіоновъ.
7. **Шпіоны и шпіонки.** Захватывающе-интересные рассказы, очерки и разоблаченія тайнъ военнаго шпіонажа непріятельскихъ странъ. Множество любопытнѣйшихъ рисунковъ. Составилъ Альбіоновъ.
8. **Непріятель въ анекдотахъ и карриатурахъ.** Сатирический сборникъ, безжалостно осмѣивающій представителей германской и австрійской армій. Со множествомъ карриатуръ лучшихъ русскихъ, французскихъ, англійскихъ и бельгійскихъ художниковъ.
9. **Палачи и мародеры.** Послѣднія звѣрства нѣмцевъ и австрійцевъ въ Сербіи, во Франціи и Бельгіи. Со множествомъ рисунковъ.
10. **Русскій офицеръ.** Его героизмъ, находчивость, братское отношеніе къ солдату и юморъ. Со множествомъ рисунковъ.

Цѣна каждаго сборника 10 коп.

Желающіе получить изъ конторы журнала „20-й ВЪКЪ“ по почтѣ заказной бандеролью, высылаютъ три 7-ми коп. почтов. марки за каждый сборникъ. Наложенымъ платежемъ сборники не высылаются.